

Шэнь Фэн, сложив руки за спиной, с невозмутимым видом повернулся к подошедшему:

— Что случилось?

Ли Цяо смотрел, как тот за спиной всё ещё держит его кроссовок, который покачивался на ветву:

— ...

В тени стены было темно, и сотрудник, подошедший к Шэнь Фэну, не заметил ничего странного, сосредоточив всё внимание на нём:

— PD, режиссёр Чэн сказал, что вы устали, и вам не нужно участвовать в таких мелочах. Он приглашает вас в режиссёрскую комнату отдыха выпить чаю.

— Не нужно, — спокойно ответил Шэнь Фэн. — Скажите режиссёру, что я хочу спать и сразу пойду в свою комнату отдыха. Если что-то понадобится, завтра найдёте меня.

— А, понятно, — кивнул сотрудник и ушёл.

Шэнь Фэн дождался, пока тот скроется из виду, и только тогда, держа кроссовок, обернулся:

— ...

Ли Цяо не сдержал смешка:

— Ха.

В холодном свете луны красавец, похожий на ледяную статую, стоял с руками за спиной, держа в руке разрисованный кроссовок. Зрелище было настолько забавным, что Ли Цяо подумал, что это и есть тот самый «контрастный кавай», о котором пишут в интернете.

Шэнь Фэн подошёл к нему, и Ли Цяо, опираясь одной рукой на стену, другой протянул ладонь, наклонив голову:

— Спасибо.

Верни мой кроссовок.

К его удивлению, Шэнь Фэн поднял руку, положил её на плечо Ли Цяо и начал мягко толкать его вглубь узкого пространства. Это был промежуток между офисным зданием кинопарка и стеной. Раньше Ли Цяо никогда не обращал на него внимания, но, отступив пару шагов, он почувствовал под ногами гальку и понял, что это тропинка.

Ли Цяо знал, что в его нынешнем состоянии он мог бы справиться с обычным человеком одним пальцем, поэтому не спешил, позволяя Шэнь Фэну толкать себя назад, и тихо спросил:

— Что ты задумал?

Не успели они пройти и нескольких шагов, как Шэнь Фэн надавил на стену, и маленькая дверь с лёгким щелчком открылась. Шэнь Фэн втянул Ли Цяо внутрь.

Дверь закрылась за ними, и Ли Цяо, используя своё божественное сознание, понял, что это комната. Главная спальня была настолько просторной, что могла бы вместить три одноместных кровати класса А, а также ванную и умывальник.

Ли Цяо прислонился спиной к стене и спросил:

— Что это за место?

— Комната отдыха, — ответил Шэнь Фэн, одной рукой удерживая его, а другой нащупывая в темноте выключатель. — Моя.

Ли Цяо прищурился от внезапного света и смог лучше рассмотреть комнату: двухметровый потолок, огромная кровать, пол, покрытый толстым ковром, справа от кровати — письменный стол из каштанового дерева и небольшой диван, а слева — стеклянный шкаф для одежды, переливающийся в свете лампы.

— Это аварийный выход. Я пойду вымою руки, — сказал Шэнь Фэн, положив кроссовок Ли Цяо на ковёр и направившись в ванную. — В полночь они снова будут обходить территорию, так что посиди тут.

Ли Цяо снял второй кроссовок, надел тапочки и сел на диван, оглядываясь вокруг, невольно вспоминая описание Шэнь Фэна из книги, где тот был главным героем.

Шэнь Фэн был настоящей аномалией в мире шоу-бизнеса. Он был известен как «замкнутая звезда»: на шоу он молчалив, в роли наставника холоден и скучен, но благодаря выдающимся работам и безупречной внешности он оставался популярным на протяжении многих лет.

Он также славился своей привередливостью: страдал от чистоплотности, требовал личного пространства и строгого соблюдения режима отдыха. Независимо от того, насколько жарко шли съёмки, он всегда уходил ровно в назначенное время.

Каждая программа, которая решалась пригласить его, заранее готовилась к этому. Например, в «О! Прямом эфире» для Шэнь Фэна освободили целый этаж офисного здания под комнату отдыха. Все стажёры лишь слышали об этом, но Ли Цяо теперь увидел это своими глазами.

Ли Цяо вспомнил, как в книге главный герой, будучи послушным и покладистым, случайно

попал в комнату отдыха Шэнь Фэна и начал убирать её, чем заслужил его первое расположение.

Однако сейчас в этой комнате и так было безупречно чисто: ковёр был мягким и тёплым, без единой шерстинки, стол блестел, как зеркало, а на большой кровати не было ни единого отпечатка пальца...

Ли Цяо вспомнил, как он жил в общей спальне класса F, где зимой было холодно, а летом жарко, где сквозило со всех сторон, и если забыть повесить талисман у изголовья, то запах пота и грязных носков поднимался прямо к потолку.

Шэнь Фэн как раз вышел из ванной и спросил:

— Тебе здесь нравится?

— Ха, — усмехнулся Ли Цяо. — «У богатых — пир горой, у бедных — смерть под забором».

Шэнь Фэн: ??

*

После смешного недоразумения Шэнь Фэн понял, о чём думал Ли Цяо, и улыбнулся:

— Если тебе так нравится здесь, может, останешься на ночь?

— Нет, — начал было Ли Цяо, собираясь сказать, что они незнакомы, но затем вспомнил, что его персонаж и Шэнь Фэн действительно были знакомы, и придумал другой предлог. — У меня нет пижамы, спать в этом неудобно.

— Можно попросить помощника принести её. В вашем общежитии никто не заметит, — сказал Шэнь Фэн. — Какую пижаму тебе принести?

— ... — Ли Цяо с подозрением спросил у системы:

— Он что, вдруг так ко мне добр?

[Система]: О боже, хозяин, может, это тот самый сценарий, где главный герой сначала отвергает, а потом влюбляется? Может, он влюбился в тебя!

Ли Цяо, которого называли «Великим Владыкой», но никогда не слышавшего слов «Я тебя люблю», был в этой области как рыба в воде — ничего не понимал. Услышав это, он сразу почувствовал неудобство:

— Нет уж. Меня интересует только его лицо.

— Хозяин, ты такой сильный духом, — льстила система. — Ты не ищешь замену, даже когда она прямо перед тобой! Это действительно вызывает восхищение!

Ли Цяо: ...

На самом деле он не сказал, что его интерес к этому лицу... был слишком сильным.

Как и тогда, когда он сидел на стене, а Шэнь Фэн улыбнулся ему, он едва сдержался, чтобы не выкрикнуть «старший брат-ученик».

Как и сейчас, ему приходилось сдерживать себя, чтобы не смотреть на это лицо слишком долго.

— Ты ещё не сказал, какую пижаму тебе принести? — вдруг раздался приятный и холодный голос.

Ли Цяо машинально поднял голову, и лицо, которое он так хотел избежать, оказалось прямо перед ним. Серебристые волосы беспорядочно падали на лоб, чёрные глаза были ясными и пронизательными, а горячее дыхание исходило от идеально очерченных губ и носа, проникая в уши и кожу Ли Цяо.

Шэнь Фэн опёрся руками по обе стороны дивана, наклонившись так близко, что Ли Цяо чуть не почувствовал, как их губы вот-вот соприкоснутся. Он слегка прикусил клык, и его горло слегка дрогнуло.

— Я ещё не согласился здесь остаться.

— Попробуй, кровать здесь очень мягкая, — Шэнь Фэн придвинулся ещё ближе, и Ли Цяо только начал двигать рукой, как тот сказал:

— Не двигайся.

— Иначе не достану.

С лёгким щелчком тёплый свет распространился вокруг дивана, озарив лицо красавца.

...Разве для включения света нужно было принимать такую позу?

— И ещё, ты не сказал, зачем ты перелезал через стену?

Ли Цяо наконец пришёл в себя, и, когда Шэнь Фэн снова попытался приблизиться, он инстинктивно упёрся рукой в его грудь.

— Я должен тебе отчитываться?

И словами, и жестами он ясно дал понять, что отвергает его. Шэнь Фэн опустил длинные ресницы, глядя на руку Ли Цяо, и через мгновение тихо спросил:

— Почему?

Он знал Ли Цяо: тот, кто так долго позволял ему всё это, определённо испытывал к нему симпатию, но в этой симпатии было и что-то отвращающее. Что это было? Его статус, прошлая холодность или... лицо?

Ли Цяо тоже мучился: его персонаж раньше буквально преследовал Шэнь Фэна, а теперь, когда тот сам начал проявлять инициативу, он отказывается. Как объяснить это, чтобы не вызвать подозрений?

— Это из-за лица? — неожиданно спросил Шэнь Фэн.

[Система]: Он тоже понял, что ты любишь его только за лицо?!

Ли Цяо вздохнул:

— Раз уж он понял, то мне нет смысла врать.

Он прямо кивнул Шэнь Фэну, признавая:

— Да.

Лицо Шэнь Фэна побледнело, и через мгновение он кивнул:

— Понятно.

Ли Цяо подумал: «Да, мне нужно только твоё лицо».

Шэнь Фэн подумал: «Увы, он действительно не может принять моё лицо».

И это логично: учитель, с которым он раньше виделся каждый день, вдруг стал объектом романтических отношений. Как это может не вызывать неловкости? Тем более, что А Цяо и раньше не любил его лицо...

Ли Цяо, чувствуя себя неловко, взглянул на часы на стене. Стрелки показывали уже больше

двенадцати. Он встал с дивана, откашлялся и сказал:

— Всё верно. Раньше я преследовал тебя, любя только часть тебя, и это было неправильно.

<http://bllate.org/book/15409/1362442>